

ОТРАЖЕНИЕ

ИСКАЖЕНИЕ

ВАДИМ ПАНОВ

ИСКАЖЕНИЕ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П16

Дизайн переплета *А. Саукова*

В оформлении переплета использована
работа художника *А. Липаева*

Панов, Вадим Юрьевич.
П16   Искажение / Вадим Панов. — Москва : Эксмо,
2018. — 480 с.

ISBN 978-5-04-096464-2

...Истории, отражающие привычный мир в глади тёмной воды.
Истории, в которых бьётся поэтическое сердце.

Истории, в которых мстит за сломанную жизнь несчастная
ведьма, таинственный Портной создаёт невероятных существ,
а страшное порождение Тьмы рыдает на могиле невинной девоч-
ки. Истории, в которых легенды обретают плоть реальности, а лю-
бовь побуждает к подвигу. Истории, в которых есть улицы Москвы
и Санкт-Петербурга, призраки Севастополя и море, в отражении
которого прячется само время. И Пророчество, исказившее Все-
ленную под аккорды русского рока.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

978-5-04-096464-2

© Панов В., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

МАКАМ II

ЛЕТИ, МОЯ ДУША

Лети, моя любовь,
И крови не жалея,
Брызгами, струями,
Да в полнолунии я.
Брызгами, струями,
Да в полнолунии я¹.

INGRESSO

Предательство.

Оглушительное. Жестокое. Беспощадно быющее наотмашь...

Предательство.

Как можно его простить? Нужно ли прощать? Кому нужно? Тому, кто предан? Той, что предана? Зачем нужно? Что сотворит прощение с растерзанной душой? Склеит? Соберёт по кусочкам? Вернёт «всё как было»?

Что сотворит прощение с чувствами? С теми, которые стали чёрным отражением самих себя и наполняют почерствленную душу терпким ядом тьмы. С теми, которые шипят змеями и требуют: «Убей!» С теми, которые заставляют видеть только мрак...

Что сотворит прощение с болью?

---

¹ «Лети, моя душа», «Ночные снайперы».

Приглушит?

Сможет ли прощение утолить ту жуткую, режущую муку, заставляющую жалеть о том, что родилась?

Сможет?

Ведь душа опустела, а затем наполнилась невыносимым: болью, страданием, обидой... Наполнилась тёмным и неприятным, мерзким, как прикосновение к бородавке на остывшем трупе. И эта жуткая тёмная жижа, забурлившая в пустоте преданной души, заставила Ксану броситься по вечерним улицам прочь. Куда? Прочь. От кого? Прочь. Зачем? Прочь. Не было ни цели, ни плана, ничего...

Ничего вокруг не было, даже мира.

Только желание спрятаться, убежать от людей и особенно от того, кто сжёг её чувства на костре своей подлости.

«Борис, как ты мог?!»

Присланное видео заставило позабыть обо всём на свете, наплевать на дела и обязательства, ударило топором палача, и оглушённая Ксана побежала, а потом побрела по безлюдной Смоленской набережной, роняя слёзы на равнодушные камни.

Горькие слёзы.

Пока — горькие.

Проклятое сообщение застало женщину в Пассаже, заставило покраснеть, потом побелеть и закусить губу, чтобы не закричать. Крепко закусить, до крови. Продавцы замерли, поражённые ужасной мимикой, и Ксане показалось, что все они — оба менеджера, помогавшие выбирать туфли, и кассир, — все они только что с удовольствием посмотрели проклятое видео и в глубине души потешаются над богатой, но обманутой женщиной. И встреченная на эскалаторе парочка — тоже посмотрела, поэтому они так улыбаются, глядя на неё... И охранник. И продавец кофе...

Все.

Все!

Все!!

Все посмотрели и все обсуждают: её, рогатую дуру, и его — умелого любовника.

Ксана выскочила из Пассажа, оттолкнув худощавого мужчину в дорогом костюме, побежала, куда-то повернула, потом ещё раз, оказалась в переулке, в каких-то дворах, перечёркнутых заборами и автомобилями, добралась до набережной, перешла дорогу — не видя ничего перед собой, заставила водителя проезжавшей машины резко затормозить и громко выругаться в окно, а затем свернула к Бородинскому. Не специально. Она просто снова «куда-то» пошла. Вновь оказалась на проезжей части, вызвав очередную порцию ругани от водителей, поднялась на мост и остановилась примерно на середине. Замерла, оперевшись на парапет, некоторое время плакала, не отрывая взгляд от чёрной воды, затем достала телефон и вновь посмотрела видео.

И негромко завывала, проклиная всё на свете: и себя, и похотливого Бориса, и чувства, которые она к нему испытывала.

Предательство.

Что может быть хуже?

Что может быть страшнее?

На видео — довольное лицо девки, с которой Борис сейчас кувырывается в Париже. Его новая секретарша, гадина, появившаяся в офисе два месяца назад. На видео отчётливо слышны слова, которыми Борис ласкает любовницу — такие же слова он дарил ей... На видео — их стоны, смех...

Предательство — это унижение.

И потеря веры: в себя, в людей, в любовь. Вера сгорит в тёмном пламени, и приходит пустота, обращая всё вокруг в чёрное.

Окутанный ядовитым облаком мир падает в пропасть... Да и что он такое — мир? За что в нём стоит цепляться? Что пройдёт испытание временем и не превратится в жуткую боль?

Неужели мир — это боль?

И последовательное разрушение всего, что было дорого...

Ксана судорожно всхлипнула.

А в следующий миг накатило чувство невыносимого одиночества. К кому пойти с бедой? Кто выслушает и не запустит грязную сплетню? Кто окажется искренним? Подруг у Ксаны хватало, но сейчас она не хотела видеть ни одну из них. Гордость не позволяла. Она привыкла считать себя умнее и удачливее, становилась звездой любого общества, а рядом с Борисом засверкала в разы ярче. Их называли идеальной парой...

Предательство...

И теперь, когда Ксане отчаянно требовалось утешение, ей не к кому было обратиться: чужая грусть будет фальшивой, а поддержка — злорадной.

И молодую женщину окутал подлый страх. Страх нащёптывал, что выхода нет. Страх умножал вечерние сумерки до непроглядной тьмы. Страх заползал в душу и красил пустоту в чёрный цвет.

Страх знает, когда приходиться, умеет выбирать время. Один на один страх побеждает всегда.

А Ксана была одна.

Сейчас.

В самый ужасный момент жизни.

Падая в пропасть...

Женщина вновь запустила на смартфоне проклятый видеоролик. Не хотела его смотреть. Не могла его не смотреть. Горе кромсало душу Ксаны, но она не могла не смотреть.

На предательство.

На лёгкий дымок, вьющийся над костром, в котором сгорели надежды, мечты и планы...

На свою жизнь. Которая, как ей в тот миг показалось, закончилась.

Сейчас Ксана не представляла, что можно начать сначала, найти того, кто не обманет, и обрести с ним счастье — слишком уж её оглушило.

Смартфон скользнул из руки и полетел во тьму, сверкнув на прощанье безжизненным светом. Исчез тихо, без всплеска. Унёс проклятое видео, но оно осталось перед внутренним взором Ксаны.

Словно огненное клеймо.

Смартфон растворился в ночной воде, по которой ползли отражения московских окон, медленно тонущие во тьме. В холодной и злой тьме, которая туманом поднималась над рекой, подбираясь к женщине, обратившейся сгустком чёрного горя. Тьма зашептала нечто неразборчивое, но утешительное... обещающее... Тьма улыбалась мраком ночи и звала. Призывала... говорила, что нужно сильнее перегнуться через парапет, чтобы лучше слышать... чтобы разделить с ней вечное движение в ночи... чтобы...

Тьма не получила желаемого.

Потому что склонившаяся над рекой Ксана вдруг увидела не поверхность тёмной воды, а город в ней. Увидела Москву, меняющуюся с каждой рябью и каждой волной, свет фонарей, поднимающийся из глубины реки в дальнюю сферу неба. Увидела ночную тьму, стекающую со звёзд по лучам ворованного света Луны и обретающую силу нового мира. Увидела всё, что есть вокруг, но так, словно каждая капля реки отразила Вселенную, а Вселенная отразилась в ней и вернулась к себе. Увидела мир таким, какой он есть — сотканным из чаяний и горя, поступков и мечтаний, желаний и равнодушия, — увидела и поняла, что всё мыслимое — осуществимо. Увидела рассыпанные крошки бессчётных зеркал и поняла главное: всё, что можно представить — осуществимо. Увидела себя на мосту, робко тянущуюся к новому миру, и поняла, ЧТО может представить.

И осуществить.

И протянула руку к отражённой в реке Вселенной.

Ксану манила бушующая сила, связывающая миллиарды отражений в цельный мир. Сила необузданная, щедро смешивающая жизнь со смертью, а добро — со

злом. Сила, отражающая себя саму, и от того несокрушимая.

Сила Вселенной, в которой есть и День, и Отражение.

Но в тот момент, когда кончики её длинных пальцев коснулись тянущейся навстречу Тьмы и чёрное заструилось по жилам, подбежавший мужчина резко схватил Ксану за талию и рывком оттащил от парапета.

— Не надо!

— Не надо? — Молодая женщина невидяще посмотрела на спасителя и кулачком ударила его в грудь. — Что вы делаете? Зачем?

Очарование грандиозной силы не отпускало, притягивало так, что на мгновение Ксана люто разозлилась на незнакомца, посмевшего вырвать её из дивной сказки. Так разозлилась, что попыталась ударить, но мужчина перехватил тонкую руку и мягко, но крепко прижал Ксану к себе.

— Не надо этого делать.

— Что делать?

— Не надо.

Почувствовав чужое, но крепкое плечо, Ксана невольно успокоилась и прижалась к спасителю, помолчала, потёрлась щекой о чужой пиджак, вспомнив, что Борис терпеть не мог этого жеста, и глубоко вздохнула. Незнакомец почувствовал, что Ксана слегка расслабилась, и прошептал:

— Так лучше?

— Да, — не стала скрывать она.

— Что случилось?

— Ничего.

— Правда? — в его голосе скользнула едва-едва заметная ироническая нотка. Не удержался.

— Я уронила телефон.

Мужчина понял, что успел вовремя, понял, что Ксане стыдно за едва не случившееся, и решил помочь ей сохранить лицо.

— Вы уронили телефон и пытались его подхватить?

— Да.

- Вы поступили необдуманно.
- Это была случайность.
- Надеюсь.

Только сейчас Ксана разглядела машину, на которую, оказывается, она таранилась с тех пор, как незнакомец оттолкнул её от парапета. Чёрный «Ягуар» с включённой «аварийкой» стоял поперёк правого ряда: мужчина ехал по делам, увидел почти ушедшую за парапет Ксану, резко дал по тормозам и бросился на помощь.

И опоздал всего на пару секунд...

Потому что кончиками длинных пальцев Ксана успела собрать из воды всё то зло, что в неё уронила. И даже больше.

Намного больше.

Потому что зло отразилось в чёрной воде.

— Подвезти вас?
— Не знаю... — Ксана отстранилась и нежно провела рукой по плечу спасителя. Не заигрывая — это был жест благодарности, и мужчина прекрасно понял знак. — Мне нравится гулять по ночам.

— И всё-таки я вас подвезу, — настоял незнакомец.

— Подвезите, — легко рассмеялась Ксана и кивнула на вставший на мосту «Ягуар»: — Иначе вас эвакуируют.

— Пожалуй.

Он подвёл молодую женщину к машине, распахнул дверцу, помог устроиться на пассажирском сиденье. Сел за руль, выключил «аварийку» и медленно поехал по мосту.

— Куда?

— Вы ведь сами сказали — домой... — Ксана откинулась на спинку кресла, закрыла глаза и улыбнулась: — В Лялин переулок.

И Тьма, которая поднималась от тёмной ночной воды, улыбнулась в ответ. Тьма не получила желаемого, но забрала больше.

Намного больше.

PUNTO

«Это был сон?»

Такой стала первая мысль Ксаны после пробуждения.

Женщина резко поднялась, села посреди кровати, растрёпанная, в лёгкой ночной рубашке, прозрачной, как море в октябре, огляделась, машинально погладила несмятую подушку Бориса и улыбнулась:

«Это был сон? Ведь правда, всего лишь сон? Страшный, отвратительный и мерзкий! Пожалуйста, пусть мой кошмар останется сном. Липким, как горькое варенье, гадким сном. А в действительности Борис меня любит, я люблю его и жду из командировки...»

Ксана крепко-крепко, как в детстве, зажмурилась, досчитала до десяти, одновременно молясь, чтобы её просьбу услышали, осторожно открыла глаза и огляделась. Как будто что-то могло измениться. Как будто Борис должен был оторвать голову от подушки, улыбнуться, потянуться и ткнуться в её плечо сухими после сна губами. Тёплыми, любимыми губами. И тогда Ксану накрыло бы счастье. Простое. Человеческое. И очень-очень желанное счастье.

Но Борис не рядом...

Зато Ксана прекрасно выспалась и сейчас, убедив себя, что дурацкое видео и приключение на мосту оказались плодом разгулявшегося воображения, обрела замечательное настроение. Вспомнила, как перегибалась во сне через парапет, и следующую мысль, в общем-то, довольно мрачную, женщина высказала необычайно жизнерадостно:

— Меня посещают мысли о самоубийстве? Вот что бывает, если три дня ни с кем не спать! Пожалуй, в следующую командировку мы с Борисом отправимся вместе... — Она с наслаждением потянулась. — Он скоро вернётся, и мы вместе посмеёмся над моим кошмаром, потом он откроет подарок... Боже, я ведь должна придумать, что подарить ему... — А в следующий миг Ксана бросила взгляд на часы и с ужасом поняла, что время —

одиннадцать, рабочий день в разгаре, и её ждут в офисе. — Я проспала! — вскочила с кровати и бросилась в ванную. — Боже, Боже...

«Почему не сработал будильник? Почему мне до сих пор никто не позвонил? Как получилось, что обо мне забыли?»

Но думать об этом некогда, потому что нет времени, нет, нет, нет совсем. Быстро умыться, почистить зубы и одновременно включить кофеварку, запустить приготовление кофе, принять душ, одеться, на завтрак времени не осталось, краситься придётся на светофорах, перелить кофе в кружку-термос, схватить сумочку и только затем задуматься: «Где телефон?»

Потому что в сумочке его не оказалось.

«На тумбочке?»

Однако проверить это предположение женщина не успела. Только она собралась скинуть туфли и добежать до спальни, как в дверь позвонили, и слегка удивлённая Ксана посмотрела в глазок. На лестничной клетке переминался молодой парень с пышным букетом белых роз в руках.

— Кто вы?

— Курьер.

— Я ничего не заказывала.

— Адрес ваш? — поинтересовался парень, назвав абсолютно верный адрес.

— Да... — протянула Ксана, а в следующий миг сообразила: «Борис! Милый, милый Борис! Ты решил устроить мне сюрприз!» И резким рывком распахнула дверь: — Входите.

— Ксения Викторовна? — уточнил тот, не переступая порог.

— Совершенно верно! — подтвердила женщина.

— Распишитесь, пожалуйста.

В нашем прагматичном мире даже романтика требует документального подтверждения. Ксана небрежно поставила автограф и только после этого стала счастливой

обладательницей роскошного букета и небольшой коробочки, завёрнутой в подарочную бумагу.

— Борис, милый, что же ты придумал?

Ксана положила цветы на полку, вскрыла упаковку и застыла, уставившись на коробочку с модным смартфоном. К которой прилагалось короткое послание, написанное твёрдым, уверенным почерком:

«Не знал, какую модель Вы предпочитаете, взял наугад. Больше не доставайте телефон на мосту. Герман».

Ксана коротко вскрикнула и тяжело прислонилась к стене, не спуская испуганного взгляда с дорогого подарка.

* * *

Ксане всегда было интересно жить: любопытствовать, искать, узнавать новое, удивляться самой и удивлять окружающих. Она считалась заводилой уже в детском садике, а в школе и вовсе «тянула» за собой класс, уговаривая друзей не сидеть на месте, а их родителей — отказываться от компьютера и дивана и тратить выходные на походы в театры, галереи, парки, выставки и поездки за город. Выступала на всех праздниках, а в шестом классе поставила в школьном театре пьесу, сыграв, разумеется, главную роль. Затем последовали другие постановки, и во всех Ксана блистала, принимая похвалу как должное. Но становиться актрисой не мечтала — представления были для неё лишь одним из способов познания мира. Институт Ксана выбрала сама и привычно не ошиблась: профессия стала её увлечением, а не рутинным средством заработка. Ксана вкладывала в дело душу, и карьера стремительно пошла вверх, принося и профессиональное удовлетворение, и достаток. С личной жизнью тоже всё было в порядке: первая влюблённость в школе, первая любовь в выпускном классе, немного ветреных увлечений в институте... Ксана не отказывала себе в удовольствиях, но серьёзных отношений избегала, не находя в мужчинах

нужной твёрдости, и так продолжалось до появления Бориса. Нельзя сказать, что она с первого взгляда поняла, что хочет за него замуж, но с Борисом было хорошо в постели, уютно по жизни, и за четыре года её влюблённость постепенно трансформировалась в другое чувство, которое Ксана опасалась назвать любовью.

А теперь и не назовёт.

Не сложилось...

На работу женщина не пошла. Позвонила с домашнего телефона и сказала больно. Затем позвонила Герману — послание было написано на визитной карточке, и поблагодарила за подарок. Разговор, естественно, затянулся и закончился назначением ужина. Сегодня в девятнадцать ноль-ноль. «Я за вами заеду, и мы отправимся в...» Выбор заведения показал отменный вкус Германа, а значит, нужно соответствовать. Ксана поставила новенький телефон загружать резервную копию, а сама отправилась в фитнес-центр, но не в зал, а в бассейн, параллельно размышляя, как испортить жизнь Борису. Вчерашняя истерика не вернулась, и молодая женщина обдумывала ответные шаги без надрыва и ненужной ярости — с простой, как десятирублёвая монета, холодной злостью.

Ксана с наслаждением погрузилась в освежающую воду и поплыла, рассеянно улыбаясь и кивая знакомым.

«Итак, что можно сделать? Выместить обиду на машине?»

«Мерседес» Бориса стоял во дворе и выглядел прекрасной мишенью: можно проколоть шины, поцарапать кузов, разбить стекло... К сожалению, двор просматривается видеокамерами, записи попадут в полицию, и за удовольствие придётся заплатить. Хорошо, если только деньгами.

«Тогда что? Порезать на ленточки его итальянские и английские костюмы? Спустить в унитаз коллекцию коньяков? Это мысль! Коньяк он обожает... Сжечь их старые фотографии и его документы? Тоже неплохо: пусть